

После прогресса. Как понимать политический спектр «лево – право» в эпоху контингентности¹

ТИМУР
АТНАШЕВ

Спектр *лево – право* более 150 лет господствует как универсальный и глобальный язык политики для избирателей, политиков и ученых, изучающих политические процессы². Более ста лет этот язык регулярно объявляется потерявшим смысл или даже дезориентирующим, особенно при сравнении того, что называется левым и правым в разных странах. Например, сегодня либерализм в США считают левым, в Италии – центром, во Франции или Швеции – правым центром, а в Японии – правым мейнстримом; в России этикетка «либерал» стала почти ругательной, а парламентская партия с прилагательным «либеральная» представляет смесь левого и правого популизма, национализма и империализма. Более того, происхождение ряда современных наук об обществе оказывается во многом связанным с фазой возникновения социального либерализма на рубеже XIX и XX веков. Я покажу, как можно снять эти противоречия узуса и собрать целый пазл. В частности, я постараюсь объяснить центральную роль и структурный *динамизм* доктрины и практики либерализма в этот период в согласии с «грамматикой» языка левого и

Тимур Атнашев
(р. 1975) – историк,
специалист в области
интеллектуальной исто-
рии, старший научный
сотрудник РАНХиГС.

- 1 Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС «Восприятие исторического времени в классической и современной политической философии» за 2022 год.
- 2 Подавляющее большинство избирателей в развитых странах в 2000–2010-х легко определяют свое место на оси *лево – право*; в развивающихся странах востребованность и устойчивость спектра несколько меньше, но он остается наиболее влиятельным. В теоретической и академической литературе эти полюса используются либо в качестве основного способа определения политических позиций, идеологий и программ, либо в качестве синонимов и эквивалентов других моделей спектра. См.: ARIAN A., SHAMIR M. *The Primarily Political Functions of the Left – Right Continuum* // *Comparative Politics*. 1983. Vol. 15. № 2. P. 139–58; DALTON R.J. *Left – Right Orientations, Context, and Voting Choices* // DALTON R.J., ANDERSON CH.J. (Eds.). *Citizens, Context, and Choice*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 103–125; PIURKO Y., SCHWARTZ SH.H., DAVIDOV E. *Basic Personal Values and the Meaning of Left-Right Political Orientations in 20 Countries* // *Political Psychology*. 2011. Vol. 32. № 4. P. 537–561; DALTON R.J., TANAKA A. *The Patterns of Party Polarization in East Asia* // *Journal of East Asian Studies*. 2007. Vol. 7. № 2. P. 203–223; JOU W. *Continuities and Changes in Left-Right Orientations in New Democracies* // *Communist and Post-Communist Studies*. 2010. Vol. 43. № 1. P. 97–113; ASPELUND A., LINDEMAN M., VERKASALO M. *Political Conservatism and Left – Right Orientation in 28 Eastern and Western European Countries* // *Political Psychology*. 2013. Vol. 34. № 3. P. 409–417; ZECHMEISTER E.J. *The Varying Economic Meaning of Left and Right in Latin America* // *AmericasBarometer Insights*. 2010. № 38.

правого. Показав особенности функционирования этого *lingua franca*, я хотел бы поставить концептуальный вопрос о том, почему правое и левое оказались главным диалектом национальной и глобальной политики. Моя гипотеза состоит в том, что разделение на левое и правое оказывается исторически удачным ответом на *структурный* запрос, сформированный рождением конкурентной политики модерна³.

В контексте исторического и социально-политического осмысления *modus operandi* двух полюсов важной задачей статьи является историческая реконструкция и последовательная демонстрация последствий часто упускаемого из вида аспекта метафоры *левое – правое*, который связан с представлением о том, что левое олицетворяет и объединяет силы исторического прогресса. Я хочу показать, как полтора столетия использования политического спектра, кристаллизовавшегося в период Реставрации во Франции и распространившегося практически во все страны мира, связано с тем, что прогресс в этот период задавал горизонт ожиданий. Такое ожидание в свою очередь отражало ощутимый для критической массы политиков, интеллектуалов и избирателей (но, безусловно, не для всех и с перерывами на две войны) *опыт прогресса* ориентировочно между началом XIX века и концом 1960-х.

Кризис представлений о прогрессивном характере исторического развития и значительные политэкономические трансформации в западных обществах 1970-х поставили под вопрос саму внутреннюю логику функционирования спектра *левое – правое*. Если направленного прогресса нет, если в него больше не верят (снова речь скорее о некоторой критической массе и динамике), то левое и правое теряют исходный смысл, стрелки компаса размагничиваются. Новые представления о контингентном характере истории позволяют поставить вопрос о том, как может быть осмыслена ось *левое – правое* уже в контексте непредопределенности и случайности, которые пришли на место ожидания прогресса. В заключении я предлагаю возможное обновленное прочтение правого как сферы проверенного опыта и левого как зоны поиска и эксперимента.

Надеюсь, что предложенный в статье акцент на историософском измерении *левое – правое* дополнит более привычные и распространенные *содержательные* интерпретации значений полюсов в терминах соответствующих им политических принципов и/или социальных групп (рабочие, прекариат, буржуа-

3 Я хочу особо поблагодарить Михаила Велижева, Владислава Калинина, Андрея Олейникова и Андрея Фетисова за возможность обсудить основные аргументы статьи и за все ценные комментарии по ходу написания текста. Обратная связь позволила значительно уточнить исходные посылки. Я хочу также поблагодарить Владиславу Шаповалову за существенную помощь в редакции текста. Конкретные выводы и формулировки остаются на моей совести.

зия, «белые воротнички», интеллигенция, меньшинства, эмигранты и другие), которые отождествлялись с определенными полюсами и идеологическими принципами в конкретных странах и в конкретные исторические периоды⁴. Среди наиболее значимых пар мы можем выделить следующие: равенство – иерархия, справедливость – порядок, свобода – авторитаризм, капитал – наемный труд, солидарность – конкуренция, *status quo* (порядок) – динамика (реформы), эволюция – революция, социализм – капитализм, эмансипация – традиция, интернационализм (глобализм) – национализм, религия – секуляризм (атеизм), индивидуализм – коллективизм. Для большей части из этих пар можно найти значимые контрпримеры. Однако задача выделить если не некоторую устойчивую сущность, то проследить структурные изменения исторического репертуара этих оппозиций не кажется мне заведомо бессмысленной, поиск дает результаты и может быть продуктивным в будущем. Можно отметить популярную и обстоятельную книгу Норберто Боббио, демонстрирующего актуальность классического и скорее эссенциалистского разделения⁵, а также влиятельный подход Рональда Инглхарта и его коллег, показавших переход от социально-экономической оппозиции по оси *капитал – труд* к новой ключевой оппозиции по социокультурным вопросам эмансипация – традиция⁶.

Если направленного прогресса нет, если в него больше не верят, то левое и правое теряют исходный смысл, стрелки компаса размагничиваются.

Таким образом, я хочу предложить взгляд, который опирается на обзор исторической эволюции содержательного репертуара левого – правого, но главный акцент я сделаю на демонстрацию важности философии истории или временного измерения, которое определяет встроенное динамическое понимание левого и правого. Философия истории обычно относится к области спекулятивной теории, но здесь она задает логику функционирования политического спектра и электоральных стратегий. Левое олицетворяет будущее и прогресс, а правое – *status quo* и прошлое на воображаемом эскалаторе истории. Свершившийся в последние десятилетия переход от гегемонии представле-

4 См.: LIPSET S.M., LAZARSFELD P.F., BARTON A.H., LINZ J. *The Psychology of Voting* // LINDZEY G. (Ed.). *Handbook of Social Psychology*. Reading: Addison-Wesley, 1954. Vol. 2. P. 1135.

5 Норберто Боббио анализирует десять аргументов в пользу утери значимости разделения перед тем, как предложить свою версию, почему оно сохраняет и навсегда(!) сохранит свою фундаментальную значимость: BOBBIO N. *Left and Right: The Significance of a Political Distinction*. New York; London: Wiley, 2016.

6 INGLEHART R. *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton: Princeton University Press, 1990.

ний о поступательном прогрессе к верховенству представлений о контингентом или непредопределенном характере исторической динамики позволяет попробовать – уже в форме спекулятивного предположения – обновить наше понимание левого и правого после прогресса.

1. Импульс. Как возникло и что означало ЛЕВОЕ – ПРАВОЕ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Влиятельный французский историк Марсель Гоше предложил наиболее глубокую и систематическую на сегодня интерпретацию происхождения политического спектра в Новое время⁷. Благодаря его работе мы знаем, что апокрифический рассказ о возникновении структуры «лево – право» в первые месяцы работы Национальной ассамблеи в августе 1789 года по поводу голосования о праве вето короля является ложным следом, хотя часто повторяемый рассказ и не лишен оснований. На самом деле то голосование не было решающим и не оказало большого влияния, но впервые проявилась, а затем быстро была забыта структурная логика спектра. С самого начала депутаты с разными взглядами спонтанно стали группироваться в разных частях Ассамблеи по отношению к центральной трибуне президента и голосовать совместно. Исходно сторонники больших свобод и большего равенства оказались по левую руку от председателя, вытеснив остальных в правую часть. Занимавший правую часть зала Барон де Говилль так описывает механизм спонтанного разделения двух протопартий:

«Я попробовал располагаться в различных частях зала и не находиться всегда на одном и том же месте, чтобы чувствовать себя свободнее в моих решениях. Но я был вынужден полностью отказаться от посещения левой части; иначе я был бы обречен на то, чтобы по всем вопросам голосовать в одиночестве под свист и насмешки окружающих».

Воспоминания других депутатов подтверждают наблюдение, что голосовать в одном помещении легче синхронно с соседями. А самостоятельно голосовать каждый раз по-своему, опираясь лишь на свой разум, оказалось трудно (как считали Руссо, просвещенные революционеры и республиканцы, влияние отдельных групп, клик, фракций или партий было опасным для общего блага⁸). Депутаты, опираясь на сходство взглядов, сби-

7 См. предисловие и обновленное издание работы, впервые опубликованной в 1992 году в многотомных «Местах памяти» Пьера Нора: ГАУСНЕТ М. *La droite et la gauche. Histoire et destin*. Paris: Gallimard, 2021.

8 В контексте Французской революции и в долгой традиции республиканской мысли сама идея «партии» или «фракции» порицалась как нарушающая принцип свободного формирования общей воли через обсужде-

вались в стаи и синхронизировали свое голосование по большинству вопросов с другими членами этих искусственных семей или кланов.

Разделение зала на части каждый раз воспроизводилось уже с участием новых составов депутатов Ассамблеи, а к левой и правой частям добавился важный по расположению и по размеру центр. Использование терминов «правое», «левое», «правое крыло», «левое крыло» в 1791 году обогащается неустойчивым в предпочтениях «центром», или «болотом», ставшим в дальнейшем важнейшей осью французской политики, а также «крайним левым»; депутаты также говорят о «горé», ссылаясь на вертикальное измерение парламентского амфитеатра. Но в целом тогда речь шла о технических терминах в хрониках парламентских заседаний – они указывают на прямой факт расположения в зале. Сами же участники этих групп не идентифицировали себя как левых или правых, а реальные протопартии формируются вокруг клубов – таких, как якобинцы. В поздние фазы революции символическую роль обозначения главных партий получают цвета: белый цвет защитников короля и красный – республиканцев. Поэтому Гоше называет революционный дебют оси «лево – право» фальстартом.

Полноценная структура политического поля в терминах левого и правого возникает в 1815 году, в период Реставрации. После возвращения Бурбонов «бесподобная» палата депутатов снова начала делиться на партии – вопреки ужасу, с которым французы вспоминали клубы и фракции революции. Но парламентская динамика оказалась сильнее предрассудков против разделения целого на части. Сформировалось устойчивое большинство роялистов и меньшинство оппозиции. Как описывает один из участников, выбор консервативным большинством правой части зала как места своей дислокации снова был случаен. Роялисты и консерваторы могли бы оказаться «левыми». Последующие парламенты пришли к более сложной структуре спектра, в которой центр занимали сторонники правительства и исполнительной власти, а левая и правая части зала играли роль двух оппозиций – справа и слева.

Именно эта трехчастная система задает, согласно Гоше, французскую специфику по сравнению с более жесткой двухпартийной системой британского парламента, где партия правительства противостоит партии оппозиции. Форма помещения для заседаний оказалась адекватной политическому режиму:

ние и выражение индивидуальных мнений. Радикализация революции привела к атакам против партий и фракций в пользу требования единства, включая предложение об обязательной ротации мест в зале. В 1917 году эта логика борьбы с фракциями в полной мере проявилась после большевистской революции и была использована группой Сталина для подавления других влиятельных вождей партий и рабочей демократии.

французская полусфера амфитеатра способствует и соответствует формированию более сложного спектра, а две равные части, расположенные строго напротив друг друга и разделенные столом, подчеркивают прямую конфронтацию двух партий – без перехода между ними. Французская модель политической топографии удачно сочетает идею радикальной оппозиции двух крайних начал с возможностью переходов и оттенков между двумя полюсами и большей важностью центра⁹. Около 1820 года понятия левого и правого активно принимаются как язык самоописания депутатами; и в это же время он становится понятен для избирателей, прошедших имущественный ценз.

На буквальную логику протопартийного пространства, разделенного на левое и правое, накладывается метафора исторического времени, устремленного из прошлого в будущее. Символическое зеркало Французской революции и актуальный опыт Реставрации дают депутатам и наблюдателям отчетливый образ исторической динамики.

Наконец, в этот же период на буквальную логику протопартийного пространства, разделенного на левое и правое, накладывается метафора исторического времени, устремленного из прошлого в будущее. Символическое зеркало Французской революции и актуальный опыт Реставрации дают депутатам и наблюдателям отчетливый образ исторической динамики, совмещенный с логикой спектрального разделения политических предпочтений. Справа – старая, а слева – новая Франция пытаются договориться между собой. В центре находится правительство, то есть исполнительная власть, которая в этот период имела большое влияние на парламент. Именно в этот момент рождается все еще интуитивно понятное нам, но уже не такое ясное представление о правом и левом, которое создает целостную систему для спектра борющихся партий. Исходная логика «лево – право» синтезирует пространство (лево – центр – право) и новую логику исторического времени, понятого как стадийный прогресс (будущее – настоящее – прошлое). Сторонники старого режима справа противостоят сторонникам нового слева, а реалисты в центре удерживают тактический баланс. Участники политической борьбы получили новый и

⁹ См. работу Мориса Дюверже о важности центра, или «вечного болота», для политической системы Франции практически всех послереволюционных режимов: DUVERGER M. *L'Éternel marais: essai sur le centrisme français* // *Revue française de science politique*. 1964. Vol. 14. P. 33–51.

общий язык самоописания для разных и враждующих групп. По сути – это был историософский язык линейного прогресса.

ТИМУР АТНАШЕВ
ПОСЛЕ ПРОГРЕССА...

2. *LINGUA FRANCA*. О ПРИЧИНАХ УСПЕХА ЯЗЫКА ЛЕВОЕ – ПРАВОЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ

Сила и претензия на универсальность постреволюционной метафоры связаны с тем, что во внешне простом наборе представлений о правом и левом были тесно и почти бесшовно увязаны четыре разных по природе области:

1. Партийная структура в парламенте: область конкуренции между политиками за избирателей, которая формирует искусственные групповые идентичности через ощущение принадлежности к партии и борьбы с другими группами.

2. Интересы и представления различных групп, слоев или классов населения, которые в значительной степени изменяются под действием работы партийных машин и философских доктрин, сохраняя, однако, свою автономию от них.

3. Сфера философских представлений о принципах, проектах реформ и нормах в политике, которая структурируется (но тоже не теряет своей автономии) актуальными запросами избирателей и партий.

4. Сфера философских представлений об истории как закономерной смене стадий прогресса (эволюционного или революционного типа).

Новая классификация прошивает и скрепляет эти различные слои и области, так что «левыми», «центром» или «правыми» *принудительно* оказываются все социальные группы, партии, философские доктрины и направления хода истории, понятой как динамичная тотальность социального и политического опыта политического сообщества. Поэтому левое и правое не просто отражают хорошо изученную антропологами склонность к простой бинарной классификации, как это предполагает и убедительно показывает Лапонс¹⁰. Перекодировка множества вопросов и других оппозиций в категориях левого и правого не просто упрощает ориентацию, сглаживая важные различия, но предполагает и важную субстантивную связность нескольких переменных: спектра конкурирующих партий, предпочтений социальных групп, политфилософских доктрин (консерватизм, либерализм, социализм и другие) и ожидания прогресса.

Компактность и простота вполне адекватной упаковки нескольких разноприродных областей в пару или тройку понятий делают спектр «лево – право» трудно заменимым и одно-

10 См.: LAPONCE J.A. *Left and Right, the Topography of Political Perceptions*. New York: Random House, 1981.

временно трудным для рефлексии – у него нет одной сущности, но есть устойчиво работающая в конкретных исторических обстоятельствах система из четырех гибко связанных между собой регистров значений. Подобно кинестетикам, неразрывно связывающим, скажем, ощущения красного цвета, гладкой поверхности и вкуса острого перца, матрица левого и правого увязывает в головах избирателей и политиков определенные социальные группы, партии, политфилософские доктрины и представление об их месте на прогрессивной шкале «прошлое – будущее». На два из этих условий возникновения спектра я хочу обратить особое внимание – на структуру партий и историософию прогресса, – чтобы затем сделать два взаимосвязанных вывода о том, как схема «лево – право» функционирует за пределами исходных условий или границ, став универсальным языком политики модерна в XX веке.

Почему для французского политического спектра, ставшего универсальным, важна прогрессистская философия истории? Прогресс, когда и покуда протагонисты верят в него, предполагает, что «левые силы» представляют будущее. Внутри этого символического фрейма возникает стратегическая асимметрия, которая дает левым динамическое преимущество перед правыми. При этом часть правых депутатов и избирателей может не верить в прогресс, но само общепризнанное разделение на лево и право отныне несет в себе историософскую семантику, дающую левым гегемонию сегодня, а завтра обещающую им победу. Ведь эскалатор истории едет вверх и направление его движения отныне зашито в базовую интерпретацию спектра. Однако, чтобы эта символическая схема работала, то есть выглядела убедительной, важно, чтобы происходящие в политике и истории события левые могли бы представлять как явную поступь прогресса. Эскалатор может поскрипывать и даже ломаться, но должен для виду или на деле передвигать людей наверх.

Не случившееся – вопреки ожиданиям первых христиан – при их жизни Второе пришествие Иисуса Христа было позднее перетолковано в терминах неопределенного и принципиально непредсказуемого будущего, вынесенного решениями соборов и знаменитым трактатом Августина за пределы земной истории. Левым во Франции и на Западе в целом долго не пришлось выносить обещание прогресса по ту сторону секулярного горизонта. Первые 150 лет после рождения политического спектра из духа Французской революции и Реставрации были вполне драматичны, непредсказуемы и противоречивы и в этом смысле не отличались от обычного хода истории до и после. Но у них была одна важная черта. В этот период различные нарративы прогресса продолжали занимать централь-

ное место в политическом воображении, головокружительные по мощи новые технологии стремительно развивались, а большинство новых поколений граждан и избирателей жили ощутимо лучше, чем их родители¹¹.

Как историки или политические аналитики мы можем либо осторожно допустить, что для таких нарративов и представлений были веские основания (эскалатор на самом деле ехал вверх), или ограничиться указанием на то, что такое движение в то время просто *казалось* очевидным значительному количеству участников философских, литературных, историографических и электоральных баталий. Для тех из нас, кто считает объективные свидетельства весомым аргументом, одним из надежных свидетельств политического прогресса в этот период будет постоянное, хотя и нелинейное, расширение избирательных прав в развитых, а затем и в развивающихся странах. Снижение и отмена ценза привели к тому, что право участвовать в выборах в 1970-е получили не 0,2–10% взрослого мужского населения, как в первых представительных режимах в начале XIX века, а почти 100% взрослых мужчин и женщин. Для левых речь шла о явном прогрессе в достижении равенства избирательных прав.

Согласно классической модели «законов Дюверже», в целом сохраняющей валидность и сегодня¹², можно выделить три типа избирательных механизмов, которые задают два с половиной типа партийных спектров. Речь идет об эмпирически наблюдаемой в разных странах логике представительных политических режимов в Новое и новейшее время. Убежденный коммунист, специалист по избирательным кампаниям и выдающийся политолог Морис Дюверже сформулировал три закона, или правила, описывающие связь между типами электоральной системы и долгосрочной партийной структурой. Кратко выводы Дюверже можно представить так: мажоритарная система выборов в парламент в один тур ведет к двухпартийной системе, пропорциональная – к многопартийной и фрагментированной. Наконец, мажоритарная система в два тура – также ведет к многопартийности, но основанной на регулярных альянсах¹³.

11 Напротив, в последнем издании «Шпигель» за 2021 год ряд материалов посвящен распространенному в обществе ощущению того, что новые поколения не будут жить лучше своих родителей: *So aufregend wird die Zukunft unserer Kinder // Spiegel*. 2021. № 52 (www.spiegel.de/familie/geboren-2021-so-aufregend-wird-die-zukunft-unserer-kinder-a-34aafd4a-ffd0-447f-a09a-deb59f7f3c5b).

12 См., например: LIJPHART A. *Patterns of Democracy*. New Haven: Yale University Press, 1999; POWELL JR.G. *Elections as Instruments of Democracy: Majoritarian and Proportional Visions*. New Haven: Yale University Press, 2000; NORRIS P. *Electoral Engineering: Voting Rules and Political Behavior*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004; SAUGER N. *L'esprit des lois? L'étude des modes de scrutin un demi-siècle après "Les partis politiques" de Maurice Duverger // Revue française de science politique*. 2005. Vol. 55. № 3. P. 524–528.

13 DUVERGER M. (Dir.). *L'influence des systèmes électoraux sur la vie politique*. Paris: Armand Colin, 1950; ИДЕМ. *Les partis politiques*. Paris: Armand Colin, 1976; ИДЕМ. *Factors in a Two-Party and Multiparty System // ИДЕМ. Party Politics and Pressure Groups*. New York: Thomas Y. Crowell, 1972. P. 23–32.

Во Франции, несмотря на частые смены конституций, в основном использовалась мажоритарная система в два тура, что определило наличие скорее многопартийной системы с альянсами, нежели устойчивое противостояние двух партий, как, например, в Англии или США. В этом смысле спектральная логика градиента «лево – право» (переходных оттенков и важности центра, а не просто черно-белой полярности) оптимально подходит французской многопартийной системе. Каждая партия во Франции (или другой стране с устойчивой многопартийностью) получает свою точную прописку на диапазоне: ультралевые, левые, левый центр, центр, правый центр, правые, ультраправые. В двухпартийных же странах «право – лево» позволяет маркировать две партии и затем различать тенденции, или крылья, внутри партий.

Как мы видим, модель «лево – право» по-разному ложится на два типа партийных систем. Но она оказалась достаточно гибкой и полезной, чтобы за сто лет распространиться из нестабильной монархической Франции эпохи Реставрации в большинство стран Европы, а затем и мира. На рубеже 1830–1840-х годов молодые Карл Маркс и Михаил Бакунин уже были членами кружка «левых гегельянцев» в тогда еще абсолютистской Пруссии; им противостояли гегельянцы правые¹⁴; это может показаться неожиданным, но Маркс вполне в духе времени был тогда убежденным либералом. Затем он радикализуется в своей критике настоящего и находит собственный голос. Для нас важно, что французские понятия стремительно захватывали новые страны. К середине XIX века европейские либералы, социалисты, марксисты или анархисты мыслили себя и опознавались другими как левые, в том числе там, где еще не было парламента и выборов. Преодолевая границы и контексты, французское *левое – правое* стало универсальным и глобальным языком политики номер один – наряду с «локальными» диалектами описания политических спектров в отдельных странах.

Два нетривиальных вывода следуют из предшествующих соображений. Во-первых, работающая, согласно своим ожиданиям прогресса, модель спектра «право – лево» приводит к тому, что левые партии, теории и программы, а также их избиратели со временем неумолимо становятся правыми. Программа будущего в случае успеха естественным образом становится программой прошлого, а новые левые должны продолжать двигаться вперед. Во-вторых, глобальный успех символической французской матрицы *левое – правое* приводит к тому, что наиболее просвещенные пользователи этого *lingua franca* на-

14 О левой и правой гегелевских традициях см., например: HARRIS H.S. *Hegelianism of the "Right" and "Left"* // *The Review of Metaphysics*. 1958. Vol. 11. № 4. P. 603–609.

чинают сталкиваться с трудностью перевода смысла левого и правого в одной стране на языки и контексты других стран. Универсальность глобального языка со временем все больше входит в противоречие с локальным и контингентным характером политических конфигураций и с разной скоростью, а иногда и направлением предполагаемого историософией движения эскалатора в разных странах, регионах и континентах.

Иначе говоря, в язык *левого – правого* заложены сразу две долгосрочные динамики, делающие его использование двусмысленным. И, чем более грамотным и эрудированным будет носитель этого языка, тем с большим количеством противоречий или нестыковок он столкнется. Эти коллизии являются одной из причин регулярных деклараций о том, что левое и правое больше ничего не значат в новых условиях. Впрочем, несмотря на многообразные вызовы и сложности употребления, левое и правое сохраняют свою гегемонию и обладают убедительной внутренней логикой. Я хочу показать работоспособность языка на одном внешне запутанном и важном примере.

В язык *левого – правого* заложены сразу две долгосрочные динамики, делающие его использование двусмысленным. Чем более грамотным и эрудированным будет носитель этого языка, тем с большим количеством противоречий или нестыковок он столкнется.

Либерализм (как политическая философия и как партийная принадлежность) по обе стороны Атлантики и Тихого океана представляет собой самый яркий пример того, как глобальный язык *левое – правое*, казалось бы, дает очевидный и неисправимый сбой. Как уже отмечалось выше, в Италии либералы сегодня считаются центристами, во Франции и Германии – скорее правым центром, в США либералы – это главная левая партия, в Японии либерально-демократическая партия была создана, чтобы противостоять растущему влиянию социалистов в 1955 году, и с тех пор почти без перерыва является правящей. В постсоветской России ЛДПР, скопировавшая японскую аббревиатуру в 1991 году, представляет империалистическую идеологию реванша и защиту интересов «бедных и русских» внутри страны. А современный режим глобального капитализма критически осмысливается в актуальной левой философии как неолиберальный. Что же случилось с либерализмом или что не так со спектром левого и правого? Видный специалист по истории либерализма и автор книги о нем в Оксфордской

серии констатирует с легкой досадой: либеральные идеи шведы принимают за социал-демократические:

«В скандинавских странах, особенно в Швеции, многие либеральные идеи получили распространение под этикеткой “социал-демократических”, тогда как то, что там называется либерализмом, часто связывают с индивидуализмом элит и среднего класса»¹⁵.

Я хочу показать, что почти все описанные «трудности перевода» либерализма с политических диалектов разных стран и эволюция либерализма с точки зрения его местоположения на воображаемой гражданами оси «лево – центр – право» внутри конкретной страны не противоречат исходной динамической логике кодирования партий и политических программ с помощью шкалы прогресса. Напротив, эти противоречия свидетельствуют об ее относительно исправном функционировании на национальном и глобальном уровнях.

3. ПРОГРЕСС. 150-ЛЕТНИЙ ГЛОБАЛЬНЫЙ ТРИУМФ ЛЕВОГО И ПОЧЕМУ О НЕМ ЗАБЫЛИ

Ключ к разгадке того, где же «на самом деле» находится либерализм на шкале «лево – право», дает утверждение о фундаментально динамическом характере двух политических полюсов в глазах тех, кто использовал этот словарь. Либералы и либерализм в первую половину XIX века были составной частью левого движения, и это обстоятельство хорошо известно историкам. Однако гораздо в меньшей степени отрефлексировано то, что с конца XIX века в разных странах и с разной скоростью либералы *перемещались* через левый центр вправо. Внутри исходной историософской логики реализованные ключевые элементы левой программы со временем становятся правыми, по определению, а защитники ранее левой доктрины из глашатаев прогресса превращаются в защитников *status quo* или даже реставраторов и реакционеров. Промежуточной остановкой этого путешествия либерализмов или либерализма в его нескольких изводах¹⁶, естественно, оказывается центризм – особенно в многопартийных режимах, в которых центризм может быть характеристикой позиции целой партии, а не крыла или течения. Наличие устойчивой структурной позиции в «центре» многопартийного режима создает усиленный запрос на центристскую идеологию.

15 FREEDEN M. *Liberalism: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press. P. 55.

16 Ibid. Джон Грей показывает два лика либерализма, связанные с разным прочтением толерантности (через общую норму или через *modus vivendi* разных норм), которые с его точки зрения исходно сочетались и имплицитно конкурировали друг с другом (GRAY J. *Two Faces of Liberalism*. Cambridge: Polity Press, 2000).

Облачная множественность значений характеризует любое важное понятие современного политэкономического словаря, особенно взятого на длительной дистанции и в масштабах десятков языковых традиций в разных частях земного шара. Эта множественность делает невозможным прямое определение «сущности» или основной черты, но не делает само использование идиомы полностью лишенным смысла или связности. Выделив несколько вполне устойчивых гнезд, или семей, значений и изучая их изменения, мы составим карту, которая не будет простой коллекцией несвязанных и случайных аргументов и высказываний. Множественность не обязательно означает тотальную потерю связности и смысла.

Заведомо очень схематично мы можем выделить несколько больших направлений, которые в разное время автономизировались и в конкретных исторических контекстах получили значение «либеральных»:

- классический европейский либерализм XIX века;
- социальный («прогрессивный», «современный») европейский и американский либерализм конца XIX – середины XX века;
- прорывной неолиберализм правого центра, возникший после Второй мировой войны как оппозиция социальной политике левых в США и Великобритании (на выборах его представляли не «либералы», а республиканцы и тори);
- новый крайний левый американский либерализм социальной эмансипации и защиты прав меньшинств рубежа XX–XXI веков.

Однако сегодняшнее разнообразие значений этой этикетки не только результат эволюции или содержательного разнообразия семьи «либерализмов». Так, Бенжамен Констан, участник Французской революции, политический философ, прошедший террор и в ответ на него впервые четко сформулировавший либеральный приоритет прав индивида над «общей волей», и, наконец, видный лидер либеральной фракции в период Реставрации, считался и считал себя левым; сегодня его фамилия и его аргументы во Франции – символ правой или даже крайней правой позиции. При этом во французской традиции, как тогда, так и сегодня эти взгляды вполне однозначно определяются как «либеральные». Хочу подчеркнуть, что здесь это не конфуз или объективное смешение, как в случае сопоставления объективно разных содержаний «либеральных» по названию программ и партий в разных странах или смены значения в одной стране. Во Франции XXI века, как и в подавляющем большинстве стран Запада, программа политика и мыслителя Констан почти полностью выполнена.

Возьмем за точку отсчета первых либеральных идеологических программ конец XVIII – начало XIX века, когда набор идей и аргументов влиятельных испанских, французских, англий-

ских и шотландских интеллектуалов впервые оформился в некоторое единство под общим узнаваемым для большинства европейских языков именем сторонников свободы – *liberals*¹⁷. Глядя на прошедшие двести лет, трудно удержаться от вывода, что многие положения и смелые гипотезы Вольтера, Смита, Мэдисона, Чудениуса, Константа, Токвиля, Милля старшего и других мыслителей этой эпохи сегодня воплощены в социальной ткани, практиках и в политических институтах не только Франции, но и, пожалуй, всех стран большого Запада: приоритет прав индивида над «коллективной волей», верховенство права, ограничение верховной власти и разделение властей, представительное правление, религиозная свобода и принцип светского государства, принципы свободного рынка *laissez-faire* в национальной экономике и свобода международной торговли. Можно (и нужно) обсуждать каждый из этих пунктов как с точки зрения полноты воплощения, так и их желательности. Часть этих принципов и институтов была сначала реализована, а затем подверглась коррекции. Но утверждение, что за два столетия эти принципы из норм, утопий и деклараций, опирающихся на очень ограниченный социальный опыт, превратились в реальную основу повседневных практик Запада, мне кажется, находится вне разумных оснований для сомнения.

С конца XIX века и по конец 1960-х в Западной Европе и в США либерализмы получили несколько новых эпитетов, указывающих на существенное изменение повестки и содержания их программ: так, в разных странах появились «социальный», «новый», «левый», «прогрессивный» и «современный» (*modern*) либерализмы. К базовым либеральным требованиям верховенства права, представительства и *laissez-faire* добавились отчасти противоречащие им требования социальной справедливости и социальных гарантий для всех¹⁸. Это изменение произошло под воздействием растущего осознания «классическими» либералами недостаточности экономических свобод для решения вопроса социальной справедливости и экстремальной бедности, растущего политического и интеллектуального влияния марксизма, профсоюзных движений, актуализированных христианских представлений о милосердии, а также – по мере расширения электоральной базы и снятия всех цензовых ограничений. Все более массовый и все менее привилегированный избиратель везде создавал запрос на большее социально-экономическое равенство.

К идеологам этих новых *гибридных* версий либерализма можно отнести таких влиятельных и разных авторов, как фило-

17 Впервые политическая партия с таким именем появляется в Испании. См.: FREEDEN M. *Op. cit.* P. 37.

18 См.: GELLNER E., CANSINO C. *Liberalism in Modern Times: Essays in Honour of Jose G. Merquior*. Budapest: Central European University Press, 1996.

соф Джон Стюарт Милль, социолог Леонард Хобхаус (основатель социологии в Британии и создатель «Sociological Review»), экономист Джон Кейнс, социолог Уильям Беверидж (фабианист, либерал и идеолог *welfare state*), политик и основатель Лондонской школы экономики Сидней Вебб, социолог Эмиль Дюркгейм, издатель Франц Дункер (издатель Маркса и Энгельса), публицист и политик Фридрих Науманн, социолог Макс Вебер и социальный психолог Джон Дьюи. В этом свете первый этап формирования социологии как самостоятельной дисциплины во Франции, Британии, Германии и позднее в США оказывается тесно связан с формирующейся в этот момент идеологией нового социального либерализма. В этой перспективе зарождающиеся социология, социальная психология, оспариваемая многими евгеника и экономика должны были стать инструментом новой рациональной и прогрессивной социальной политики государства – инструментом социального либерализма.

Массовое общество и многопартийные режимы в этот период с разной скоростью привели к имплементации этой новой либеральной (и тогда либо однозначно левой, либо левоцентристской) повестки практически во всех западных странах в таких формах, как прогрессизм, *New Deal*, *welfare state*, *Great Society* или на русском языке – государства всеобщего благоденствия. Первой масштабной и идеологически последовательной реализацией этого доктринального и электорального поворота была длинная серия реформ в Великобритании 1906–1914 годов¹⁹, проведенных Либеральной партией при участии таких политиков, как Ллойд Джордж и молодой Уинстон Черчилль²⁰. В результате были введены ограничения на продажу алкоголя, меры по защите детей, по обеспечению лучшего доступа к образованию для бедных, пенсии для людей старше 70 лет, обязательное страхование по болезни для самых низкооплачиваемых; были созданы центры занятости для безработных и, наконец, обеспечены завтраки для всех британских школьников. В 1914 году британское правительство и его бюрократия обеспечивали на деньги налогоплательщиков и избирателей 14 миллионов бесплатных завтраков ежедневно. Для либералов это было наглядное свидетельство и подтверждение прогресса, а сам прогресс был для них ключевым понятием.

Для полноты картины хочу отметить, что в период с конца XIX века по 1970-е годы реформы в логике создания тех или

19 О важности нового осознания социальной (не)справедливости ведущими либеральными мыслителями в этот период см.: HERRICK F.H. *British Liberalism and the Idea of Social Justice* // The American Journal of Economics and Sociology. 1944. Vol. 4. № 1. P. 67–79.

20 См.: RENWICK CH. *Bread for All: The Origins of the Welfare State*. Toronto: Allen Lane, 2017; SEARLE G.R. *A New England? Peace and War, 1886–1918*. New York: Clarendon Press; Oxford University Press, 2004.

иных элементов большого пазла социального государства или государства всеобщего благоденствия (опирающегося везде на стремительно растущую в это время мощь бюрократии) проводили с завидным постоянством почти все без исключения партии и правительства, включая консервативные, бонапартистские, правоцентристские, фашистские, нацистские²¹, либеральные, социалистические или коммунистические.

Зарождающиеся социология, социальная психология, оспариваемая многими евгеника и экономика должны были стать инструментом новой рациональной и прогрессивной социальной политики государства – инструментом социального либерализма.

Умеренные правые партии двигались как бы задом наперед, стараясь придать консервативные формы прогрессивному содержанию – как в случае реформ Бисмарка в Германии или двух больших серий социальных реформ, проведенных Консервативной партией в Британии еще под руководством Дизраэли и позже на основе «послевоенного консенсуса» в 1950-е²². При этом в ряде ведущих стран, включая США и Великобританию, именно либеральные политики и интеллектуалы были первыми идеологами и организаторами полноценного *welfare state*²³. Аналогичные по духу социально-экономические меры были реализованы после Второй мировой войны в Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Японии и даже в Иране, где после исламской революции сформировалась достаточно конкурентная представительная демократия²⁴.

Таким образом, приблизительно за 150 лет в большинстве стран Запада были достаточно успешно, хотя и не равномерно, реализованы локальные версии двух вполне левых либеральных программ:

- 21** Эли Гётц показывает, что социальная политика Гитлера была нацелена на завоевание поддержки избирателей через щедрые программы дотаций ключевым группам бенефициаров, финансируемые во многом за счет экспроприации и налогов на немецких евреев, а затем грабежа завоеванных стран: GÖTZ A. *Hitler's Beneficiaries: Plunder, Racial War, and the Nazi Welfare State*. New York: Metropolitan Books, 2007.
- 22** См.: RAISON T. *Tories and the Welfare State: A History of Conservative Social Policy since the Second World War*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1990.
- 23** Авторы сборника о формировании государств всеобщего благоденствия в Великобритании, США и Японии показывают, что как создание, так и последующее ограничение социальной политики было прямо связано с деятельностью либеральных экономистов. См. также блестящее исследование о формировании *welfare state* в послевоенной Великобритании и о центральной роли либерального политика и директора Лондонской школы экономики Уильяма Бевериджа: TIMMINS N. *The Five Giants: A Biography of the Welfare State*. London: William Collins, 2017.
- 24** См.: HARRIS K. *A Social Revolution: Politics and the Welfare State in Iran*. Oakland: University of California Press, 2017.

1. Программа классического либерализма, предоставившего всем гражданам формально равные гражданские и политические права, правовую защиту и создавшего правовую инфраструктуру для развития национального рынка и включения в мировой.

2. Программа социального либерализма, нацеленная на исправление социально-экономического неравенства, обеспечение пенсий, медицинского обслуживания, пособий по безработице и профессионального образования для всех.

При общности социальной направленности практических мер и их устойчивой поддержке либералами по обе стороны Атлантики хочу обратить внимание на одно отличие США от большинства других стран Европы и Запада. Во второй половине XX века повестка «социального либерализма» была там реализована существенно в меньшей степени, чем в других странах, а под либерализмом в США до сих пор понимается позиция, поддерживающая активное государство, нацеленное на перераспределение социальных благ для всех и умеренную регуляцию рынка, который, однако, сохраняет свою важность и автономию. При господстве североамериканской шкалы «либерализм – консерватизм» импортированная шкала *левое – правое* легко накладывается на первую и используется как прямая замена. В Западной Европе *welfare state* во вторую треть XX века был реализован почти повсеместно (это обобщающее утверждение не должно скрыть огромного национального разнообразия конкретных решений и конфигураций), а почти все европейские «либеральные» партии потеряли свою ключевую позицию и влияние на левом фланге, сместившись вправо, под давлением более влиятельных левых – набирающих популярность рабочих, профсоюзных, социал-демократических, социалистических, а в ряде стран и коммунистических партий, как во Франции, Италии, Испании или Греции.

Таким образом, в европейском политическом контексте государство всеобщего благоденствия стало ассоциироваться не с новыми версиями либерализма, которые его впервые спроектировали, а с социал-демократическими и социалистическими партиями, которые требовали его дальнейшего развития и так победили в борьбе за сердца избирателей. В согласии с динамической схемой функционирования эскалатора «право – лево» обе реализованные большие повестки левых либералов XIX–XX веков (классическую и социальную) в Западной Европе, Канаде или Австралии сделали либералов XX века либо центром, либо правыми. А место левых заняли социал-демократы и социалисты, которые требовали новых и более радикальных реформ, в том числе прямо или косвенно указывая на опыт СССР и социалистических стран. Напротив, в США социальная либе-

ральная повестка 2.0 была реализована лишь частично (хотя в XX веке речь идет о минимум трех реализованных и амбициозных программах социальных реформ – *Progressive Era, New Deal, Great Society*). В результате проект остался незавершенным, и местные либералы остались там левым мейнстримом, разделившись на центристов и более радикальных левых²⁵. До сих пор американские либералы обыденно характеризуются с помощью прилагательного «прогрессивные», указывая на то, что они олицетворяют прогресс и будущее. В Европе же будущее выглядело иначе.

4. РЕВОЛЮЦИЯ? БОРЬБА АНАРХИСТОВ, СОЦИАЛИСТОВ И ЛИБЕРАЛОВ ЗА ОБРАЗ БУДУЩЕГО

Важнейшим аспектом эволюции спектра «лево – право» в XIX и XX веках была конкуренция нескольких версий прекрасного будущего, а также связанных с ними версий конечной ступени, венчающей воображаемую лестницу прогресса. Наиболее значительную роль в борьбе за определение этого образа, помимо либеральных мыслителей, сыграли два выдающихся интеллектуальных предпринимателя и философа, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, которые вместе сумели создать фундаментальную и оригинальную научно-политическую доктрину²⁶. Доктрина была задумана как научная теория исторического прогресса и как орудие критики. На деле марксистская программа превратилась в мировоззрение миллионов образованных активистов в Западной и Восточной Европе, СССР и во всем мире. Мыслители также смогли учредить массовое международное движение, состоявшее из нескольких подпольных и легальных социал-демократических партий в Европе. Исходно партии были объединены общим представлением о том, что объективный исторический прогресс ведет к гибели капитализма и представительной демократии. Согласно открытым философами законам материалистической исторической диалектики, грядущее крушение капитализма будет означать установление сначала со-

25 Почти сразу после Второй мировой войны и на фоне начинающейся «холодной войны» в Америке возникло и в дальнейшем росло напряжение и взаимная критика между все более радикальными левыми мыслителями и левым либеральным центром. Ценным свидетельством этого напряжения служит сборник эссе «*Liberal Imagination*» литературного критика и образцового нью-йоркского публичного интеллектуала Лайонела Триллинга: «Сегодня, когда многие интеллектуалы среднего класса стремительно влевоют, полезно вспомнить, что буржуазный интеллектуал не может занять твердую позицию раз и навсегда, поскольку в нем живут противоречащие друг другу ценности, и, отстаивая одни, он невольно предаёт другие» (цит. по: Чаликова В. *Либеральное воображение (Путь Лайонела Триллинга)* // *Общественные движения и проблемы общественного сознания*. М.: ИНИОН РАН, 1986 (<http://chalikova.ru/liberalnoe-voobrazhenie-put-lajonela-trillinga.html>)).

26 См., например, классический обзор: Kołakowski L. *Main Currents of Marxism: The Founders – The Golden Age – The Breakdown*. New York; London: W.W. Norton & Company, 2005.

циализма, понимаемого как централизованная администрация экономики и общества, а затем принципиального нового и фактически идеального, гармоничного общественного и экономического строя – бесклассового общества, или коммунизма. Эволюция средств производства объективно ведет к революциям в производственных и политических отношениях. Определив рабочий класс как главного бенефициара и носителя новой научной доктрины, Маркс и Энгельс вступили в решительную конкуренцию с рядом кружков, партий и движений середины XIX века, связанных с уже распространенными тогда, но разрозненными левыми версиями будущего, понимаемого как социализм или анархизм. Прогноз, подкреплявший веру в осуществимость политических планов, заключался в том, что кризисы капитализма и уровень его монополизации будут нарастать, а в беднеющий рабочий класс, или пролетариат, в конечном счете вольется абсолютное большинство.

ТИМУР АТНАШЕВ
ПОСЛЕ ПРОГРЕССА...

Достаточно быстро практическая философия Маркса и Энгельса получила гегемоническое положение на крайне левом фланге, хотя ее ключевые прогнозы оказались неточными, а последующая ревизия в Западной Европе привела к динамичному сочетанию революционного и реформистского подходов.

Достаточно быстро практическая философия Маркса и Энгельса получила гегемоническое положение на крайне левом фланге²⁷, хотя ее ключевые прогнозы оказались неточными, а последующая ревизия в Западной Европе привела к возникновению более сложной конфигурации – к динамичному сочетанию революционного и реформистского подходов. После падения монархии в России радикальная группа марксистов смогла захватить политическую власть и с помощью террора, пропаганды и серии организационных инноваций создать новую страну и новое общественное устройство, которое было объявлено социалистическим и подлинно марксистским. Насильственная революция и диктатура пролетариата стали ключевым пунктом для расколов и затем сложных компромиссов между двумя социалистическими версиями будущего. Сама революция оказалась под вопросом. В какой мере политическое насилие и диктатура пролетариата, особенно в отсталых странах, где пролетариат оставался в меньшинстве, открывали двери в прекрасное будущее и были левой политикой? Если

27 См.: ELEY G. *Forging Democracy: The History of the Left in Europe, 1850–2000*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002. P. 33.

за социальными реформами в итоге следовала революция, то крайние левые обозначали просто чуть более отдаленное будущее. А если мирные реформы давали ощутимые плоды, а революция не вела к совершенному новому миру, но скорее ухудшала положение дел для большинства, то тогда возникал вопрос: где на шкале *левое – правое* расположить революционных марксистов? На этот вопрос было сложно ответить. Вместе с тем третья радикальная левая сила, анархисты, могли утверждать, что именно им, а не коммунистам принадлежал конечный пункт назначения в истории²⁸.

На деле анархисты не получили сколько-нибудь большого электорального или политического влияния и не создали массовых движений. Напротив, к началу XX века марксистские социал-демократические партии завоевали значительные электоральные позиции в Германии, Австрии, Франции, Швеции, Болгарии, Испании и других европейских странах. Исходно часть социалистических партий опиралась на профсоюзное движение и реформизм в интересах рабочих и других групп, а другая часть крайних левых придерживалась революционных взглядов. Долгосрочный политический успех социал-демократов был во многом связан с деликатным синтезом двух подходов, как это произошло в истории Социал-демократической партии Германии²⁹. Опираясь на теорию и авторитет Маркса, но указывая на фактическую неточность ряда прогнозов, Эдуард Бернштейн поставил под сомнение два его важнейших положения: о том, что социализм может быть осуществлен только через насильственную революцию и только в мировом масштабе. Карл Каутский, Роза Люксембург и другие партийные лидеры оспаривали этот ревизионизм, но дальнейшая эволюция партии проходила между этих двух полюсов. Используя радикальное учение Маркса, но ослабляя его радикализм, социал-демократы и социалисты смогли пройти сквозь тернии неудачных революций, неустойчивых парламентских, полуавторитарных и диктаторских режимов начала XX века и уже после двух мировых войн стать в ряде европейских стран ведущими партиями. Сочетая реформаторскую умеренность и отодвинутый в далекое будущее образ коммунизма (уже без рынка, эксплуатации и парламентов), социал-демократы и социалисты за сто лет смогли воплотить несколько оригинальных версий *welfare state* и делали это гораздо дольше и радикальнее, чем это теперь кажется³⁰.

28 После периода диктатуры пролетариата и централизованного управления должны наступить настоящие свобода, равенство и самоуправление. Ленин, по сути, подтвердил эту символическую иерархию в установочном тексте «Государство и революция».

29 См.: Поттхофф Х., Миллер С. *Краткая история СДПГ. 1848–2002*. М., 2003.

30 Скажем, национализация предприятий проводилась во Франции в начале 1980-х, а обязательная 35-часовая рабочая неделя была введена правительством социалистов в 2000 году. Позднее эта реформа была значительно ослаблена, но закон действует до сих пор.

Одним из факторов успеха было рождение первого государства рабочих и крестьян на руинах Российской империи.

ТИМУР АТНАШЕВ
ПОСЛЕ ПРОГРЕССА...

Социалистическая революция 1917 года, смена названия Российской социал-демократической рабочей партии на Российскую коммунистическую партию в 1918 году и созданный в Москве Коммунистический, III, Интернационал (1919), а также последующие практические успехи по-новому поставили вопрос о будущем для широкого левого движения. Отклонившись от еще одного прогноза Маркса о неизбежном начале мировой социалистической революции в развитых странах, большевики предъявили достаточно убедительную для миллионов активистов, политиков и интеллектуалов Европы и всего мира заявку на то, что настоящим будущим является советский коммунизм и СССР, созданный в декабре 1922 года как глобальный политический союз нового типа. Левая партия, как и положено в логике динамического соответствия истории, должна вести людей в будущее. После успешной социалистической революции Ленин, Троцкий и их товарищи оказались бы правыми, если бы остались во главе социал-демократической партии. Чтобы избежать этого «поправения», партия авангарда должна называться по пункту ближайшего назначения на лестнице прогресса. Коммунизм, предсказанный, но лишь эскизно намеченный Марксом и Энгельсом, был этим пунктом для лидеров русской революции. Эскизность оставляла свободу маневра, но ряд характеристик были ясны: план и администрирование вместо стихии рынка, самоуправление, равенство, справедливость, творческий характер труда, конец полицейско-бюрократического аппарата подавления, конец эксплуатации и отчуждения во всех его формах.

В течение пятнадцати лет после революции была сформулирована уточненная доктрина о том, что же такое реальный социализм. Советский социализм как будущее человечества означал отказ от частной собственности на средства производства (но сохранение денежного оборота и дифференцированных зарплат) и либеральной представительной демократии в пользу однопартийной диктатуры с формальными элементами выборности, декоративными местными советами и плановой централизованной экономикой в сочетании с социальными гарантиями, социальным равенством, социальными лифтами, творчеством масс, советским самоуправлением и обязательным для каждого трудом на благо всех. Информация о волнах дикого террора против бывших дворян, эсеров, меньшевиков, лидеров профсоюзов, миллионов крестьян, а затем и почти всех старых большевистских революционеров и управленческих кадров СССР была мало доступна или не очевидна для внешних наблюдателей вплоть до 1956 года и доклада Хрущева. Инфор-

мация о чудовищном, даже по тогдашним капиталистическим меркам, уровне неравенства в сталинской централизованной иерархии, кажется, не вполне осознана до сих пор и в России³¹.

В молодом СССР 1920-х внутрипартийная борьба в ВКП(б) была выиграна самопровозглашенным центром во главе со скромным секретарем аппарата. Сталин оттеснил более сильных большевиков в придуманной им борьбе с правым и левым «уклонами». Удивительным образом он как бы вывел себя из столь важной для Ленина и большевиков шкалы левого и правого, которая после запрета других партий стала распирать партию изнутри. Забегание вперед или отставание от темпа истории были объявлены двумя типичными ошибками, подрывающими единство. Логика сверки партийной линии с темпом движения исторического прогресса здесь приобрела окончательный вид – именно центр (в лице высшего руководителя) и находится в полной гармонии со скоростью исторических изменений. К середине 1930-х революционная идеология единства партии перед лицом внешней и внутренней опасности в сочетании с террором и запретом на фракции и дебаты позволила Сталину упростить политические вопросы и затем избавиться от риторики левого и правого. Движение к коммунизму отныне шло без перекосов, «левых» забеганий вперед или «правых» отставаний. На место дебатов, ошибок и уклонов пришли прямые враги, агенты и вредители. Но в международном контексте политико-идеологической конкуренции с Западом Сталин и его агенты влияния в мире успешно позиционировали себя как прогрессивных левых, олицетворяющих и в моменте создававших лучшее будущее человечества. Шкала «лево – право» теперь работала прежде всего в глобальном контексте.

Как реакция на русскую революцию и международное коммунистическое движение в большинстве европейских стран в 1920-е социал-демократы и социалисты снова стали раскалываться на более умеренные реформистские социал-демократические и социалистические партии и более революционные социалистические и коммунистические партии, ориентированные на СССР. Таким образом, «социалисты» в зависимости от местных раскладов могли быть как революционерами, так и реформистами. При этом очень успешные в электоральном

31 Начиная с 1930-х Сталин последовательно и публично высмеивал «левацкую» и одновременно «мелкобуржуазную уравниловку», обосновывал важность торговли и неравенства для реальных задач управления. Отказ от ключевых положений социализма происходил в форме апелляции к здравому смыслу и обвинений одновременно в правом и левом уклонах. См., например: Вальдера Хиль Х.М. *Легитимация социального неравенства в советской идеологии сталинского периода* // Мир России. 2015. № 4 (<https://cyberleninka.ru/article/n/legitimatsiya-sotsialnogo-neravenstva-v-sovetskoj-ideologii-stalinskogo-perioda/viewer>); NOVE A. *Income Distribution in the USSR: A Possible Explanation of Some Recent Data* // Soviet Studies. 1982. Vol. 34. № 2. P. 286–288.

смысле социалистические партии во Франции и Испании регулярно получали исполнительную власть, но поддерживали стратегически двусмысленную лояльность в отношении СССР и его революционной марксистской доктрины³². Коммунистическая партия Италии в 1972-м получила более 30% голосов и под этим именем оставалась ведущей партией страны до 1991 года, привлекая в том числе голоса образованной аристократии и буржуазии.

Ключевое обстоятельство здесь состоит в том, что в борьбе за определение того, как именно выглядит прогресс и его будущее, лидеры Советского Союза, их идеологический аппарат и внешние союзники сформулировали ряд положений, которые захватили воображение ведущих интеллектуалов и политиков Западной Европы. Таким образом, радикальные русские марксисты задали новую символическую точку на шкале «лево – право» во многих европейских странах, механически смещая все остальные партии вправо. Принятие этой координаты за сигнал спутника из будущего не было всеобщим; но сама заявка создавала новый контекст для всех. Мы можем предположить, что, помимо расширения символического горизонта, советский пример придавал локальным требованиям социал-демократов дополнительную материальную мощь и вес, делая их более приемлемыми как в лейбористской Великобритании, так и в таких антикоммунистических, но вполне социалистических странах, как Швеция и Норвегия. Благожелательное освещение и посещение влиятельным фабианцем и лейбористом Сиднеем Веббом и его супругой сталинского СССР – один из таких примеров сознательной «опоры» умеренных европейских социалистов и социал-демократов на радикальный советский проект.

Однако в развитых странах вне континентальной Европы марксистские и, еще меньше, советские коммунистические представления о будущем были гораздо менее значимы для электоральной политики и касались в основном «элит». В Великобритании марксизм занял важное место в интеллектуальной и академической жизни страны, но политическое влияние крайних левых было ограничено двухпартийной структурой, где после Второй мировой войны место главной левой партии занимали лейбористы, или «партия труда», вытеснившая с этой позиции либеральную партию вигов за счет опоры на профсоюзы и рабочих. В зависимости от конъюнктуры лейбористы описывали себя как с помощью прилагательного «социалистический», так и «прорыночный». При этом вебб-фабианский социализм, утверждавший важность строго мирного распростра-

32 BENEDETTO G., QUAGLIA L. *The Comparative Politics of Communist Euroscepticism in France, Italy and Spain* // Party Politics. 2007. Vol. 13. № 4. P. 478–499.

нения социалистических убеждений и практик без революций и экспроприаций, был самостоятельным и очень влиятельным течением и одновременно закрытым клубом в Англии с конца XIX века, откуда вышли четыре премьер-министра. Наконец, подавляющее большинство граждан в США, Австралии, Канаде, Новой Зеландии и Японии остались значительно менее чувствительны к Марксу и коммунистической картине мира, игнорируя ее или считая ее дикарской причудой развивающихся стран. Горизонт будущего в глазах избирателей в этих странах формировался иначе, хотя идея прогресса была так же важна для левых по ту сторону Ла-Манша.

В англоговорящих странах, прежде всего в Великобритании и США, представление о конечной точке движения в истории задавались различными версиями либерализма, который понимал себя как левое движение прогресса и просвещения. Как было сказано выше, в этой традиции прогресс означал постепенное, инкрементальное приближение максимально разумного и справедливого общественного устройства. Пресловутая «виговская история» господствовала достаточно долго перед тем, как стала именем нарицательным и символом наивного телеологического нарратива, в котором Англия конца XIX века выглядела вершиной человеческого прогресса. В 1957 году австрийский и британский философ Карл Поппер предлагает уточненную версию либерального исторического оптимизма и формулирует свою скрупулезную критику марксистской историософии. Он страстно и последовательно доказывает невозможность научного предсказания будущего и политическую опасность попытки исходить из такого допущения. В качестве альтернативы Поппер говорит о «постепенном социальном инжиниринге» как о реальной практике открытых обществ³³.

В Америке воображаемая ось *левое – правое* закрепляется после Второй мировой войны – возникают понятия «левое крыло» и «правое крыло» как более радикальные фланги внутри двух мейнстримных партий. Процесс происходит под воздействием активной эмиграции интеллектуалов из континентальной Европы, влияния марксизма и противостояния с СССР. Вызов, связанный с противостоянием недавнему союзнику, оказывается не только военно-стратегическим и политическим, но и философским. Мировые гегемоны не могут принять политический язык нового главного конкурента и тем самым признать его монополию на глобальное будущее и прогресс. Функционирование динамической дихотомии левого и правого в континентальной традиции предполагает, что левые олицетворяют будущее и прогресс. Заимствуя из континентальной

33 POPPER K. *The Open Society and Its Enemies*. Princeton: Princeton University Press, 1971.

Европы левое и правое как часть своего политического словаря, англоязычные страны Запада сохраняют свои двухпартийные системы и их символический язык, а также уточняют свои встречные философии истории, чтобы социализм и революция не означали светлое и закономерное будущее. Уолтер Липпман четко ставил эту задачу еще в 1937 году, стремясь показать, что только обновленная философия либерализма адекватна современной экономике и горизонтальному разделению труда, а фашизм и социализм представляют собой коллективистскую форму старого режима, основанного на вертикали подчинения³⁴. Но именно начало «холодной войны» делает противостояние горячим. Впрочем, тут важно отметить, что речь не шла об американских избирателях, а скорее именно о глобальной борьбе за умы, сердца и воображение интеллектуальных и политических элит в США и на Западе³⁵.

ТИМУР АТНАШЕВ
ПОСЛЕ ПРОГРЕССА...

В англоговорящих странах, прежде всего в Великобритании и США, представление о конечной точке движения в истории задавались различными версиями либерализма, который понимал себя как левое движение прогресса и просвещения.

В недрах спецслужб, лучших университетов и аналитических центров США формируются альтернативные версии прогрессизма – в частности, в терминах теории модернизации³⁶. Толкотт Парсонс, основатель американской социологии, опираясь на работы Вебера, Дюркгейма и других европейцев, создал зубодробительную и всеобъемлющую теорию общества, которая задала интеллектуальную левоцентристскую (по американским понятиям того времени) альтернативу марксистской историософии в США и основу для будущей теории модернизации, которую непосредственно разрабатывали, в частности, социолог Эдвард Шилз, экономист Уолт Ростоу и политолог Сэмюэл Хантингтон. Для Парсонса и коллег современные ему США уже представляют вершину исторического развития – наиболее дифференцированное и модернизированное общество в мире. СССР для него в целом олицетворяет альтернативный прорыв в современность, но это более слабая версия модерна, где плохо работают демократическая и рыночная подсистемы. Сам

34 LIPPMAN W. *Good Society*. New York: Little, Brown and Company, 1937.

35 См.: CONVERSE PH. *The Nature of Belief Systems in Mass Publics* // APTER D. E. (Ed.). *Ideology and Its Discontent*. New York: The Free Press of Glencoe, 1964.

36 См., например: КАЛХУН К. *Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал?* (www.inop.ru/reading/page68/).

Парсонс приезжал в СССР, где оказал определенное влияние на технократическую и прозападно ориентированную часть академического сообщества.

Наконец, возникает третий содержательный извод либерализма, который заключается в концептуальном и практическом обновлении политэкономии классического либерализма *laissez-faire* (1.0) до новой версии 3.0 через полемику с левым либерализмом 2.0 и европейской социал-демократией, критически низводимых до роли недоделанных или замаскированных копий советского социализма с его неизбежным ГУЛАГом, террором и плановой экономикой. Австрийский эмигрант Людвиг фон Мизес и его ученики разработали фундамент экономической теории с критикой технической неэффективности и антидемократизма планового советского социализма в сочетании с апологией свободной рыночной конкуренции и критикой большого государства и бюрократии в Америке. Здесь борьба за будущее переходит в контратаку одновременно на двух фронтах. Речь шла о последовательном теоретическом доказательстве того, что советский плановый социализм имеет ряд технически неустраняемых ограничений по сравнению с конкурентным рынком. А значит, плановый социализм не может быть более эффективным общественным строем, чем капитализм, и не может представлять более прогрессивное будущее. Социализм – это опасная ошибка, девиация, которую нужно исправить, и любые формы большого государства и социал-демократии суть движение в сторону катастрофы.

Критическая оценка советского проекта и все более слышные голоса репрессированных в СССР задавали растущее давление на традиционных левых, так или иначе связанных с марксизмом и ставкой на революционное или радикальное рабочее движение. Реакция на восстание в Венгрии и его подавление советскими танками в 1956 году раскололи многие коммунистические партии³⁷. Последовавшая «оттепель» внутри СССР отражала намерение Хрущева и советских элит, переживших сталинский террор, вернуться к ленинским истокам. «Оттепель» закончилась с отставкой Хрущева и еще одним вторжением в социалистическую страну, на этот раз в Чехословакию, где начались слишком радикальные экономические и политические реформы. В момент своей реальной внутренней гуманизации и попытки возвращения к идеалу социального равенства советский проект стремительно терял привлекательность в глазах европейских левых, представая циничной диктатурой. Рост благосостояния рабочих на Западе и уменьшение их относительной доли в электоральной структуре также требовали новых подходов и идей.

37 См.: HALL S. *Life and Times of the First New Left* // *New Left Review*. 2010. № 61 (<https://newleftreview.org/issues/ii61/articles/stuart-hall-life-and-times-of-the-first-new-left>).

Новые социальные группы и новые ожидания кристаллизовались в серии ярких и почти революционных событий. Всплеск молодежных бунтов, акционизма, социальных экспериментов (включая жизнь в коммунах и свободную любовь) и новых видов творчества около 1968 года стал для западных стран своеобразным водоразделом, обозначающим потерю культурной гегемонии «старыми левыми» и подъем «новых левых» (*Old Left, New Left*). Крайние левые оказались расколота на традиционных коммунистов, делавших акцент на классовой борьбе и ориентированных на СССР, и новых левых, отказывающихся от скомпрометировавшей себя повестки. Требования защиты интересов рабочих и профсоюзов уступают место или дополняются новыми целями, требованиями и темами: защита гражданских и политических прав меньшинств, феминизм, права геев, новые гендерные роли, право на аборт (в США), проблемы окружающей среды и легализация наркотиков. Одной из ключевых фигур этого долгосрочного обновления стал Герберт Маркузе, о котором я скажу чуть позже. Подъем требований социальной эмансипации и «культурные войны» значительно меняли социально-политический ландшафт предыдущего периода.

Резюмируя наш экскурс и не различая успехи и поражения в завоевании умов и сердец избирателей или успехи в революциях и гражданских войнах, я могу указать на несколько конкурировавших в течение двухсот лет философских версий конечной точки прогресса, расположив их для наглядности слева направо (в силу случайности выбора «лево» как полюса будущего французская шкала не соответствует нашему визуальному восприятию будущего, основанному на нашей системе письменности):

Анархия	Коммунизм	Эмансипированное сообщество меньшинств	Бесконечно улучшаемое открытое общество	Фабианский социализм	Советский плановый социализм	Европейская социал-демократия	Социальный либерализм / Модернизация	Неолиберализм	Либерализм <i>laissez-faire</i>	[Старый режим, сословное общество, феодализм, традиционное общество]
---------	-----------	--	---	----------------------	------------------------------	-------------------------------	--------------------------------------	---------------	---------------------------------	--

Приблизительно в течение 1970-х в США и Великобритании произошла мощная идеологическая, а затем – в 1980-х – и успешная политическая контратака справа, основанная на частичном возврате к классическому либерализму *laissez-faire*. Символическая попытка губернатора Рональда Рейгана отстранить от преподавания Герберта Маркузе иллюстрирует, что столкновение было не всегда идеологическим и открытым. Интеллектуально неолиберальное движение прямо восходит, в частности, к работам австрийских экономистов фон Мизеса и фон Хайека и их американских продолжателей, с 1947 года объединенных обществом Мон Пелерин. Гегемонический дис-

курс о прогрессе и будущем сменился утверждением, что лучшее будущее скорее находится в чуть обновленном и недавнем прошлом. Это был первый залп «конца истории». Одновременно с этим все больше ведущих левых мыслителей и интеллектуалов прямо атаковали идею прогресса, и, главное, историческое время стало осмысливаться в нескольких принципиально новых формах. В 1970-е – после 150 лет оспариваемых, но постоянных левых реформ и ощущения прогресса как горизонта – левый и правый полюса потеряли важнейший встроенный в этот язык компас, который связывал левую стрелку и будущее, а привычные понятия революции или классовых интересов обернулись буквально на противоположные³⁸.

В 1989 году левый либерал, ученик Хантингтона и бывший сотрудник «RAND corporation» Фрэнсис Фукуяма смог поразить читателей во всем мире сообщением о «конце истории» и окончательном торжестве либерализма именно в сфере борьбы идей³⁹. Политика Горбачева была не случайностью, а материальным выражением победы либеральной идеологии в сфере духа. Этот оспариваемый всеми сегодня аргумент звучал тогда убедительно и давал новую целостную картину в момент краха социалистических режимов. Декларация конца исторического движения влево обращалась к традиционным крайним левым и более широкому общественному мнению. На самом деле к этому моменту многие крайние левые интеллектуалы отказались от идеи прогресса и сформулировали гораздо более радикальные концепции того, что такое история. Фукуяма забивал гвоздь в гроб давно умершего представления и использовал не самую на тот момент актуальную гегелевскую историческую диалектику прогресса, вершиной которой объявлялся либерализм.

Секрет успеха был в своевременности момента (пик перестройки) и в хорошо понятном европейским левым языке историко-философской диалектики (который в США был гораздо менее востребован). Очевидное и стремительное благодаря политике перестройки исчезновение горизонта иного, альтернативного и лучшего, будущего породило огромный резонанс и беспрецедентный отклик на текст философа. То, что гораздо раньше прозревали Бенджамин или Альтюссер, стало вдруг понятно и наглядно для многих. Последовавший через два года распад СССР подкрепил для широкой публики диагноз о «конце исто-

38 О фундаментальных дилеммах и парадоксах осмысления левой философской мыслью новой исторической и политической реальности в ходе перестройки и в современной постсоветской России см.: МАГУН А. *Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008; МАТВЕЕВ И., ЗГУРАВЛЕВ О. *Loft Offices and Factory Towns: Social Sources of Political Polarization in Russia* // *Socialist Register*. 2022. Vol. 58. P. 221–240.

39 ФУКУЯМА Ф. *The End of History?* // *The National Interest*. 1989. № 16. P. 3–18.

рии». Однако передовой край новой левой интеллектуальной рефлексии к этому времени уже отказался от самой логики поступательной смены исторических фаз и прогресса.

ТИМУР АТНАШЕВ
ПОСЛЕ ПРОГРЕССА...

В 1970-е – после 150 лет левых реформ и ощущения прогресса как горизонта – левый и правый полюса потеряли важнейший встроенный в этот язык компас, который связывал левую стрелку и будущее, а привычные понятия революции или классовых интересов обернулись буквально на противоположные.

5. Контингентность. Слоеный пирог вместо перемены блюд

Радикальная критика теорий прогресса, включая представления о циклах и/или деградации, может быть прослежена буквально с момента зарождения первых представлений «о человеческой эпохе» Вико или «о прогрессе человеческого разума» у французских мыслителей XVIII века, включая аббата Сен-Пьера, Тюрго и Кондорсе. Для левой мысли три ключевые фигуры этой во многом теневой традиции антипрогресса – Руссо, Ницше и Беньямин – оказываются вновь востребованы позже, именно в ответ на общее осознание кризиса социалистических режимов и коммунистических партий в конце XX века. Немецкие национал-консерваторы, такие разные, как Освальд Шпенглер и Мартин Хайдеггер, соединяли неприятие слишком торговой и технической современности с активной защитой немецкого национального духа и культуры. Оптимизму универсального просвещения и прогресса, основанных на расчете, они противопоставляют величие белой расы или национального (цивилизационного) духа и внимание к Традиции. Ученица Хайдеггера, Ханна Арендт, принимала качественную специфику модерна, но, по аналогии с большим жестом учителя, возвращающего философию к периоду досократиков, предложила свою оригинальную историософию и возврат к не превзойденному до сих пор горизонту классической греческой традиции понимания политического.

Макс Вебер, помимо своей воли заложивший основу американской теории модернизации, сочетал принятие принципиальной исторической новизны современных обществ и его легально-рациональных институтов с утверждением о важности уникальных констелляций и нелинейности перехода обществ Запада

от традиционных к современным формам. При этом, как и для национал-консерваторов, горизонт будущего для него выглядел трагически и был задан господством технического – опасность тотальной бюрократизации и расчеловечивания грозила расколдовать свободного и ответственного индивида-протестанта. По другую сторону Ла-Манша британский историк Герберт Баттерфилд увековечил и развенчал «виговскую историю»⁴⁰, подчеркивая важность случайности и непредсказуемости, высмеивая прогрессизм и телеологичность. Другой британский историк и философ Арнольд Тойнби предложил оригинальную циклическую и отчасти контингентную историософию эволюции цивилизаций в терминах вызовов и ответов. Как я писал выше, после Второй мировой войны Карл Поппер также систематически атаковал саму возможность научного предсказания и прогноза в отношении сложных целостных социальных объектов. Наконец, Юрген Хабермас, перешедший в ходе своей карьеры с крайне левых постмарксистских позиций в левый либеральный центр, предложил сложную модель нелинейной эволюции человеческих сообществ, в которой коммуникативные действия осмысляются как высшая ценность. Коммуникативные действия, нацеленные на искреннее понимание другого, проникают в ткань и институты общества. Эта инфильтрация задает горизонт и смысл политическому действию и воплощает вариант нелинейного прогресса⁴¹.

Критика прогресса среди крайних левых мыслителей имеет длинную историю, включая марксистских и особенно постмарксистских теоретиков. В XX веке одним из ранних и радикальных голосов этой ревизии был Вальтер Беньямин⁴². Сциенталистское представление о прогрессе он прямо возводит к христианскому провиденциализму и эсхатологической картине мира. Научный позитивизм в истории оказывается наивной верой в торжество добра и разума во времени, служащей сильным. «Тезисы о философии истории» или в оригинальной версии заметки «О понятии истории» (1940), сохраненные и опубликованные Ханной Арендт в 1968 году⁴³, были написаны накануне вынужденного самоубийства и сразу после подписания пакта Молотова–Риббентропа. Социал-демократия, фашизм и сталинский социализм предстают для мыслителя выражением вновь и вновь воспроизводимого угнетения и подавления большинства. Левое политическое действие в такой (в обычном политическом смысле)

40 BUTTERFIELD H. *The Whig Interpretation of History*. London, 1931.

41 См.: АТНАШЕВ Т., ВЕЛИЖЕВ М., ВАЙЗЕР Т. *Двести лет опыта. От буржуазной публичной сферы к российской режимам публичности // Несовершенная публичная сфера*. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 5–83.

42 См.: FERRIS D.S. *The Cambridge Introduction to Walter Benjamin*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

43 BENJAMIN W. *Theses on the Philosophy of History* // ИДЕМ. *Illuminations*. New York: Harcourt, Brace & World, 1968. P. 253–264.

безнадежной историософии суть коллективные вспышки или отблески воспоминания о прошлом событии сопротивления и противостояния вечному угнетению.

ТИМУР АТНАШЕВ
ПОСЛЕ ПРОГРЕССА...

Эсхатологии и телеологии победителей Беньямин противопоставляет религиозный же «слабый мессианизм», связывающий современные поколения и поколения угнетенных через просветы и проломы в настоящем совместного воспоминания. Вместо грядущей революции и освобождения, града земного, в своем самом влиятельном тексте Беньямин предлагает град божий, данный в осколках и отблесках солидарной памяти. Марксистское бесклассовое общество прорывается как обещание прошлого сквозь течение истории (или даже в противоясход ему), а не является ее результатом. Задолго до 1989-го и 1991 годов крах надежд на социалистический советский прорыв задавал центральный нерв историософской рефлексии для крайних левых. Впрочем, сам процесс этой рефлексии не был ни линейным, ни всеобщим.

Вместо грядущей революции и освобождения, града земного, Беньямин предлагает град божий, данный в осколках и отблесках солидарной памяти.

Философы и идеологи Франкфуртской школы хорошо знали работы Беньямина и во многом в полемике с ним развивали свои версии отказа от прогресса и телеологии. Негативная диалектика Теодора Адорно и Макса Хоркхаймера олицетворяет отказ от ставки на новое и лучшее общественное устройство. Все формы современности в диапазоне от американского монополистического капитализма до СССР или нацизма основаны на технической рациональности в освоении человеком Просвещения, природы и возникшей массовой индустрии культуры. Вместо прогресса и освобождения, на деле они приводят к отчуждению, механизации и, в конечном счете, самоубийству цивилизованного человека. Новая задача левых активистов в этом контексте не ковать новые цепи, а создать инструмент тотальной деконструкции любой замкнутой системы понятий и общественных отношений. Любое положительное утверждение об обществе и мире в конечном счете порабощает и привязывает человека к искусственной идентичности. Только в искусстве человек модерна может получить подлинный опыт трансценденции и свободы, как раз через отказ от утверждения чего-либо как ценности или правила. Герберт Маркузе представляет наиболее прагматичное крыло Франкфуртской школы. Он добавляет к сумеречному пессимизму коллег внимание к практической политике и запросам политических активистов. Маркузе дела-

ет стратегически успешную ставку на новых субъектов – меньшинства и представляющих меньшинства интеллектуалов, которые объективно угнетены или ограничены господствующими в любом обществе представлениями о норме и правильном⁴⁴.

Наконец, даже самый краткий обзор критики прогресса и детерминизма будет заведомо неполным без неомарксистской материалистической философии истории Луи Альтюссера. Несмотря на ее резкую прижизненную критику со стороны коллег по партии и интеллектуалов, в последние два десятилетия он получил огромное внимание исследователей и современных левых мыслителей. Влиятельный член и активный критик коммунистической партии Франции противопоставил работы молодого Маркса, написанные под влиянием Фейербаха, более поздним и более сциентистским произведениям, которые легли в основу марксистского канона для КПСС и французской компартии. Отказываясь от понятия исторического субъекта, в том числе от роли рабочего класса, Альтюссер в конце жизни приходит к новой теории исторического процесса, известной как алеаторный материализм. Вместо телеологии прогресса, следуя за отстраненным рационализмом Спинозы и Макиавелли, французский философ утверждает новую версию марксизма против его как сталинского, так и гуманистического вариантов⁴⁵.

Марксизм, верный исходному импульсу до так называемого «эпистемологического разрыва», должен называться историческим, но не диалектическим материализмом. Последний через гарантированный якобы «синтез» противоположностей ошибочно вводит телеологическую направленность в историю, скрытую под маской детерминизма и законов истории. Полная дегуманизация истории, по Альтюссеру, означает отказ от идеи природы человека и от идеи, что человек способен самостоятельно действовать в истории – действуют структуры и отношения. Тем более нужно отказаться от идеи, что история будто бы постепенно и последовательно ведет к торжеству человеческой субъектности (воли, свободы, способности выбирать). Классовая борьба как базовая структура социальных отношений каждый раз по-новому определяет исход конкретных столкновений и конфигураций групповых и индивидуальных действий. Люди не акторы и авторы, но носители идеологий и отношений структурной борьбы.

44 О важной роли Герберта Маркузе для новых левых см.: КО҂ AKOWSKI L. *Main Currents of Marxism...*; Хикс С. *Объясняя постмодернизм*. М.: Рипол-Классик, 2021.

45 Речь идет о сотнях статей и книг, которые делают фигуру Альтюссера центральной. В некоторых вариантах в явном виде речь идет о важности критического преодоления авторитета Маркса и ссылок на него, а имплицитно – о закреплении нового авторитета самого Альтюссера. В качестве двух примеров см.: SUCHTING W. *Althusser's Late Thinking about Materialism // Historical Materialism*. 2004. Vol. 12. № 1. P. 3–70; CAMPBELL D. *Louis Althusser and the End of Classical Russian Marxism: Spinoza, Hegel and the Critique of Dogmatic Marxism // Critique*. 2014. Vol. 42. № 4. P. 527–553.

Эта слепая и случайная необходимость материальной истории противопоставляется Альтюссером любым версиям прогресса в истории и прогнозам о будущей социальной гармонии. Наконец, под действием обвинений от французской компартии в излишней теоретичности мыслитель выдвигает ленинскую по духу интерпретацию практической роли философа. Философ не имеет привилегий знаний или теоретического различения истины от идеологии; он на практике занят осознанной и последовательной классовой борьбой в поле философии или теории⁴⁶. В работах таких философов, как Аллен Бадью, Славой Жижек и Жак Деррида, на которых Альтюссер оказал прямое влияние, происходит усложнение и истончение марксизма и его историософии. Классовым врагом в конечном счете становится сам разум, или рации, философский инструмент *par excellence*.

С 1968-го по 1990-е годы произошла важная и качественная трансформация политэкономической динамики, которая до сих пор не вполне осмыслена с точки зрения своего воздействия на сложившиеся ранее коды и представления о левом и правом. «Контрреволюция», почти одновременно реализованная Рейганом и Тэтчер, зафиксировала пределы долгосрочной левой динамики, а распад СССР и социалистических стран закрыл вопрос о социалистическом или коммунистическом будущем. Призрак коммунизма отныне возрождают не члены Интернационала или Политбюро ЦК КПСС, а ускользающие от определенности в иронию, но по-своему верные Марксу мыслители деконструкции⁴⁷. Остановка долгого левого цикла вызвала изменение интеллектуального пейзажа, которое еще не было вполне отрефлектировано в применении к политическому спектру. Я исхожу из того, что главным новым обстоятельством, которое важно учесть, является переход от различных версий прогресса к различным версиям контингентности истории. И этот переход критически важен для самой логики функционирования спектра «лево – право» в понимании его тогдашних носителей.

В заключение мы можем предложить новое прочтение той исторической фазы, которую можно условно отсчитывать от 1968 года, когда снова вспыхнул и как будто бы быстро погас новый горизонт будущего, а затем произошла частично успешная контратака на социальный либерализм и социал-демократию, и так родилась новая версия либерализма. Вместо ожидавшегося прогрессистами восхождения или смены блюд, где каждое блюдо было исторической фазой, вплоть до коммунистического десерта, мы имеем дело с конфигурацией, которая скорее подобна слоеному пирогу. Разные фазы и социальные системы сосуществуют друг с другом, а не сменяют одна

⁴⁶ ALTHUSSER L. *Réponse à John Lewis*. Paris: François Maspero, 1973.

⁴⁷ ДЕРРИДА Ж. *Призраки Маркса*. М.: Logos altera; Ecce homo, 2006.

другую⁴⁸. Борьба идет за соотношение слоев, но никакой из ключевых ингредиентов пирога не может быть исключен без потери вкусовых качеств. Изменение повестки внутри части либеральных или консервативных, правых партий, связанные с частичным отказом от социальных гарантий для большинства и отказ левых либералов и социал-демократов от задачи устранить рынок вместе показывают эту логику переговоров и осцилляции внутри заданной конфигурации. Вопреки ожиданиям неоконсерваторов и неолибералов, а также опасениям левых государство, бюрократия, регулирование рынков и социальные гарантии оказались принципиально неустранимы. Более того, в США вопреки всему, что мы знаем об этой стране со времен знаменитого текста Вернера Зомбарта, со всей очевидностью идет новая волна классического социального либерализма, когда в центре реформаторской повестки стоят вопросы о медицинском обеспечении, страховках, безработице и более равном доступе к образованию для разных социальных групп. В Великобритании эти вопросы были поставлены и отчасти решены либералами уже сто лет назад.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПРАВОЕ КАК ОПЫТ, ЛЕВОЕ КАК ЭКСПЕРИМЕНТ

Принимая контингентность и нелинейность исторического процесса, я предлагаю считать *правыми* те представления о действующих нормах и институтах, которые основаны на положительном опыте, признанном политиками и социальными группами достаточно успешным для его защиты. *Левыми* же предлагаю считать те новые нормы и институты, которые представляют собой зону экспериментального поиска, оспаривания и инноваций для тех, кого не удовлетворяет *status quo*. *Право* – это защита и воспроизводство области накопленного опыта, *лево* – область экспериментального поиска⁴⁹. В этом смысле наиболее типичные и устоявшиеся институты будут, как правило, считаться правыми, ибо они основаны на длительном опыте, который правые одобряют и хотят закрепить. Напротив, новые и еще не использованные ранее решения и нормы будут скорее левыми. Поэтому левые часто критикуют существующее с точки зрения идеалов и норм, которые еще не

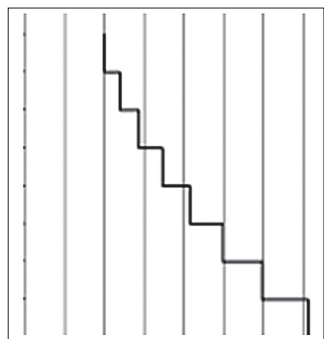
48 В изящном эссе 1978 года «Как быть консерватором-либералом-социалистом» Лешек Колаковский артикулирует ряд положений, близких нашей гипотезе: КОŁ AKOWSKI L. *How to Be a Conservative-Liberal-Socialist* // ИДЕМ. *Modernity on Endless Trial*. Chicago: Chicago University Press, 1990.

49 Одним из первых систематических изложений части аргументов, структурно близких предлагаемой в настоящей статье гипотезе, является работа Карла Мангейма «Идеология и утопия», которая задала основу будущей социологии знания в применении к политическим представлениям классов, поколений и индивидов, а также прямо увязывает темпоральность и политические доктрины.

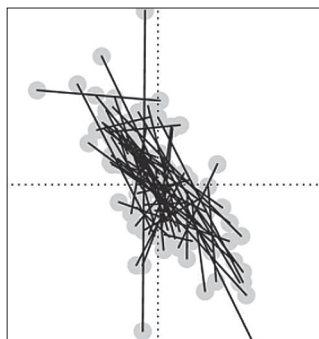
прошли проверку опытом, но обладают достаточной привлекательностью для больших групп избирателей.

ТИМУР АТНАШЕВ
ПОСЛЕ ПРОГРЕССА...

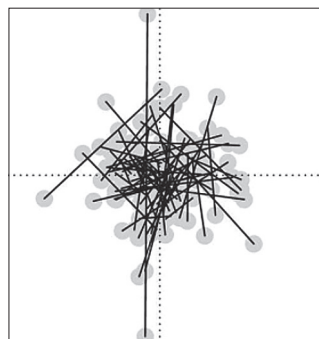
Если на воображаемой лестнице прогресса и гармонического поступательного развития политические сообщества могли двигаться только справа, представлявшего прошлое, налево, представлявшего будущее, то на карте истории, понятой как плоскость, можно двигаться в разные стороны и здесь нет привилегированного вектора. Это означает, что движение «вперед» может открыть привлекательную местность, топкое болото или опасные для жизни джунгли. Успешность экспериментов не гарантирована. Если представить каждое политическое сообщество как союз двух групп или двух типов людей, то первая группа занималась бы освоением уже захваченных и благоприятных для жизни территорий, а вторая – вкладывала бы ресурсы и усилия в поиски новых земель. При этом в рамках нашей аналогии сообществу в каждый конкретный момент приходилось бы постоянно и совместно выбирать из двух опций: оставаться на месте или собирать свою поклажу и двигаться в поисках лучшей доли.

Илл. 1. Линейный прогресс движения на плоскости.

Илл. 2. Контингентный паттерн на плоскости.

Илл. 3. Контингентный хаос на плоскости.

Для наглядности мы можем представить классическое видение прогресса как схему (илл. 1). Левые зовут общество на ступеньку вверх, а правые хотят остановить движение. Предлагаемая мной обновленная схема «лево – право» предполагает, что вектор лучшего будущего неизвестен. Движение общества может быть хаотическим и непредсказуемым – а левое и правое будут в каждый момент времени определяться конъюнктурно (илл. 3). Однако я наделяю сообщество в целом и отдельные группы способностью осмысленно оценивать прошлый опыт и действующие структуры в категориях «хорошо – плохо», «справедливо – несправедливо» и так далее. Без этой коллективной способности, одним из механизмов реализации которой явля-

ются представительные и республиканские формы политической власти, движение общества на воображаемой плоскости было бы вовсе непредсказуемым и лишенным «образа». Некоторый промежуточный или гибридный вариант может означать, что в целом есть определенный вектор движения или эволюции общества, который задает будущее как левое, а прошлое как правое, но в каждый конкретный момент времени вектор остается открытым (илл. 2). Важно, что лево, право (и центр) возникли и прошли достаточно долгую опытную проверку как мета-фрейм внутри конкурентной представительной демократии. Мы можем в разумной мере доверять прошлому опыту.

Слоеная структура современности или относительно устойчивое сосуществование систем и укладов, которые исходно казались последовательностью разных фаз, уже сломало логику и метафорику прогресса. Однако сам этот слоеный пирог с его ингредиентами может оказаться лишь временным состоянием, как им оказалась и длинная эра видимого прогресса с начала XIX века до конца 1960-х. Возможно, актуальная историческая динамика имеет даже более решительный и не predetermined характер, чем наслоение разных пластов прошлого в настоящем. Возможно, какие-то значимые структуры и сферы прошлого опыта, на которые опираются правые, вдруг могут поплыть и потерять свое место. В таком контексте правые не имеют вечной концессии проверенного опытом прошлого, а у левых нет доказательств того, что их критика существующего с точки зрения возможного обоснована, а эксперименты будут удачными.

В СССР в период перестройки мы встречаем характерный дискурс о сложности исторического прогресса для страны и партии «первопроходцев»⁵⁰. Новаторский характер советского проекта в этом контексте был призван объяснить объективные сложности и существенные недостатки реального и данного в ощущениях социализма. С одной стороны, такая риторика противоречила демонстрируемой регулярной уверенности в закономерном и гармоническом характере новой формации, а с другой стороны, она позволяла снять избыточные ожидания и критику⁵¹. В текстах Маркса речь также часто

50 Я хочу отдельно поблагодарить Андрея Олейникова за этот аргумент, стимул к написанию статьи и за ценную возможность ее обсуждения на разных этапах.

51 Ср.: «Товарищи! Наш путь первопроходцев огромен и сложен. Его кратким анализом не охватишь, не обнимешь. И тяжесть материального и нравственного наследия старого мира, Первой мировой и гражданской войн, интервенции. И новизна преобразований, связанные с ними надежды людей, темпы и масштабы вторжения нового, непривычного, не оставлявшие подчас времени, чтобы оглядеться, поразмышлять, и субъективные факторы, играющие особую роль в периоды революционных бурь» (Горбачев М.С. *Октябрь и перестройка: революция продолжается. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском дворце съездов 2 ноября 1987 года* (<http://historic.ru/books/item/fo0/s00/z0000235/sto60.shtml>)).

шла о естественно-историческом поиске новых форм, скажем, в опыте Французской коммуны. «Железная логика» законов истории, которая вроде бы не вызвала сомнений в главном, сочеталась с представлением об экспериментальном и потому не всегда успешном ходе освоения конкретных новых форм в ходе и после революции. С этим набором понятий и аргументов отлично сочетались утверждения о коллективном творчестве масс как основе нового строя. Таким образом, крайние левые осмыслили себя не только как бенефициары неизбежного прогресса, но и как экспериментаторы, которые своими руками творят новое, а значит, с неизбежностью и ошибаются. В современных левых движениях за права меньшинств в США, особенно в своих наиболее радикальных вариантах культурной эмансипации *Woke* или *cancel culture*, можно увидеть не столько прообраз будущего для всего человечества, сколько зону интенсивных экспериментов с открытым исходом.

ТИМУР АТНАШЕВ
ПОСЛЕ ПРОГРЕССА...

В современных левых движениях за права меньшинств в США, особенно в своих наиболее радикальных вариантах культурной эмансипации, можно увидеть не столько прообраз будущего для всего человечества, сколько зону интенсивных экспериментов с открытым исходом.

В своей работе «Рассуждения “о конце революции”» Борис Капустин не без провокации отсылает к классическому тексту и стилю Эдмунда Бёрка, величайшего и пронизательнейшего критика революций и важнейшей фигуры для консервативной либеральной мысли⁵². Капустин парадоксальным образом возрождает эту традицию и стиль политической философии на русском языке, при этом формулируя до известной степени обратный по политическому заряду аргумент в новых обстоятельствах. Автор обращается к вопросу о революции не через деконструкцию оснований разума или вопрос о меньшинствах, а используя форму четких, рациональных, полемических аргументов. Опираясь на богатейший запас авторов и теорий, он лаконично резюмирует ключевые положения в основном тексте и отправляет остальное в фундамент или подвал примечаний. Капустин ставит представление о революции в центр специфического понимания исторического времени модерна как настоящего, принципиально открытого будущим транс-

52 Капустин Б. *Рассуждения о «конце революции»*. М.: Издательство Института Гайдара, 2019.

формациям. И затем анализирует актуальный набор левых и правых представлений о «конце революций».

Обозначив центральную роль и структуру представлений о конце революции, Капустин последовательно опровергает ключевые предпосылки: предположение об однозначном смещении баланса сил и боевой мощи в пользу защитников *status quo*, о важности потери моральной привлекательности революции, о невозможности революции в развитых странах, о солидарности капиталистических стран, о недостаточности локальной революции в глобальном мире и о контрреволюционных последствиях распространения демократии. В сумме оказывается, что революция случается и вполне может случиться как структурная и спонтанная реакция *многих* как раз на критически высокий уровень видимой стабильности и устойчивости, но одновременно безнадежности и безальтернативности общественного порядка. Для автора трагизм революции связан не с ее интеллектуальными истоками, проповедью и практикой массового насилия или ошибками лидеров, а с низкой разрядкой в ответ на невыносимый (в силу отсутствия всякой надежды на перемены) ужас порядка. Революция как проявление имманентной нижней динамики истории в ответ на подавление защищающих *status quo* неустраима, но лишь вытесняема из сферы общественного сознания.

Эта развернутая попытка реконструкции и апологии левого горизонта истории как горизонта революции трагична. Капустин не просто показывает недостаточность и предвзятый характер аргументов о конце революции. Как кажется, он парирует благоразумные аргументы против ужасов революции глупым моральным негодованием о сумраке царящего *status quo*. Революция становится не избавлением и светлым будущим, а Немезидой и заслуженным наказанием для тех, кто слишком уверен в великолепии порядка, основанного на капитале, деполитизации, бессилии общества и «химерах финансовых спекуляций». Если убрать рациональный и взвешенный анализ в основной части, то религиозные и мрачные обертоны заключительной части этой необычной и недосказанной апологии революции напоминают об историософии Вальтера Беньямина. Вновь возвращая в поле политического воображения крайне левый горизонт, автор не призывает к революции, не утверждает, что она благо, а лишь подчеркивает ее непредсказуемость и встроенную в социальную ткань капитализма *возможность*. Трактат звучит не как классическая апология, а скорее как отблеск прошлых бурь и предостережение о неустраимости горизонта революции. Предостережение для тех, кто столь успешно защищает *status quo* революционного по своей экономической природе капиталистического общества, вытесняя

слова и мысли о революции. Приняв контингентность настоящего вместо гипотезы о медленной эволюции, Бёрк мог бы разделить беспокойство автора.

ТИМУР АТНАШЕВ
ПОСЛЕ ПРОГРЕССА...

**Даже проверенный в прошлом правый опыт }
требует регулярной проверки через эксперимент. }
А неуспешный в прошлом эксперимент может }
оказаться удачным решением в будущем. }**

К нашей базовой гипотезе XXI века о том, что история лучше описывается не одномерной лестницей прогресса, а сложным и скрытым дымкой ландшафтом на плоскости, по которой на ощупь движут общество и движутся левые, трактат Капустина добавляет иной род динамизма. Общества современности, вооруженные правым тылом и левым авангардом, осваивают подвижную и зыбучую территорию, на которой нельзя «стоять на месте». И медленной консервативной эволюции в варианте Бёрка мы должны противопоставить внутренние революционные изменения общественных структур, порождаемые самим *status quo* современного капитализма. Покуда политические сообщества не готовы отказаться от собственной способности дифференцированно оценивать существующее (что нравится, что терпимо, а что неприемлемо), но признают непредсказуемый характер истории и негарантированность сохранения настоящего в будущем, то правый опыт и левый эксперимент окажутся двумя взаимодополняющими и взаимопроникающими полярностями. Даже проверенный в прошлом правый опыт тогда требует регулярной проверки через эксперимент. А неуспешный в прошлом эксперимент может оказаться удачным решением в будущем. Как и другие приспособления людей к жизни с людьми, левое и правое могут перестать работать в будущем, но я постарался показать их историческую ценность для конкурентной политики. Кто знает, когда наступит подходящее время? К этому моменту сообществу желательно понимать, что значат левое и правое после прогресса.